

УДК 81

**ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРОЗЕ I ПОЛОВИНЫ XIX века**

© 2014 г.

А.А. Уразбекова

Московский педагогический государственный университет

ums@mpgu.edu

Поступила в редакцию 13.02.2013

На примере романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» рассматривается употребление полонизмов.

Ключевые слова: полонизм, заимствованное слово, функции полонизмов.

Первая треть XIX века в России отмечена усилением интереса к отечественной истории. Национальная тематика нашла отражение в опытах исторической прозы и поэзии («Думы» К.Ф. Рылеева, «Арап Петра Великого» А.С. Пушкина), научных трудах («История государства Российского» Н.М. Карамзина), в драматургии («Борис Годунов» А.С. Пушкина). В конце 1829 – начале 1830 года были изданы сразу два исторических романа – «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина и «Димитрий Самозванец» Ф. В. Булгарина, посвященные борьбе против польских интервентов.

Для анализа нами выбран исторический роман Михаила Николаевича Загоскина «Юрий Милославский». Сюжет рассматриваемого произведения посвящен Смутному времени, что позволило автору ввести в текст немало полонизмов. Рассмотрим использование в тексте заимствований и иноязычных слов.

Развитие жанра исторического романа связано в первую очередь с именем Вальтера Скотта. В русской литературе первой трети XIX века данный вид романа был почти неизвестен, поэтому М.Н. Загоскин во многом следует за В. Скоттом. Так, он не воспроизводит исторические события, лица, предметы со скрупулезной точностью, основанной только на документальных фактах. Писатель, воскрешая историю в романе с помощью художественного домысла, допускает сознательные анахронизмы, меняет даты для усиления драматизма повествования, домысливает характер исторического лица. М.Н. Загоскин уплотняет события: действие романа начинается весной 1612 года, а герои только еще узнают о фактах, «исторически» уже совершившихся и, как признается сам автор, известных «в самых отдаленных провинциях царства Русского»: о присяге москвичей Владиславу (август 1610 г.), об убийстве Лже-

дмитрия II (декабрь 1610г.), о взятии Смоленска (июнь 1611 г.). Такое смещение событий не было нарушением исторической достоверности, потому что главная задача романиста заключалась не в хронологическом воспроизведении тех или иных исторических эпизодов, а в воссоздании «духа» прошедшей эпохи. А.А. Бестужев (Марлинский) отмечал, что в романах В. Скотта и его последователей на первом плане, как правило, изображение вымышленных героев, обыкновенных людей «тогдашнего времени», их «домашний быт и вседневный ум».

В центре произведения – действия обыкновенных людей избранной для повествования эпохи, вымышленных персонажей; «автор... старается характеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы в эпоху, взятую им в основание его романа» [7]. Роман М.Н. Загоскина был тепло принят читателями. С. Т. Аксаков так характеризовал реакцию читателей на роман: «Все обрадовались «Юрию Милославскому» как общественному приятному событию; все обратились к Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы» [1, с. 169]. Уже первые отклики на роман являются неоспоримым свидетельством его широкой популярности.

«Господин Загоскин точно переносит нас в 1612 год, – писал в рецензии на «Юрия Милославского» А.С. Пушкин. – Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши – все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни!» [8, с. 41]. С.Т. Аксаков в своей статье о романе писал: «...наконец словесность наша обогатилась первым историческим романом, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обы-

чай, нравы, костюм, язык... Это небывалое явление на горизонте нашей словесности...» [2, с. 88]. Достоинства романа отмечала даже критика, не вполне доброжелательная к писателю. Так, Н. А. Полевой, один из литературных противников Загоскина, писал, что в «Юрии Милославском» «интерес в целом поддержан; события любопытны; подробности резки, и многие отделаны весьма естественно и искусно» [11].

Исследуемый нами роман, как уже отмечалось, был хронологически первым российским историческим романом, поэтому неудивительно, что современников более всего радовал сам факт появления произведения, проникнутого «народностью» и «русским духом» (С. Т. Аксаков). Тем не менее достоинства национального содержания не рассматривались вне очевидных погрешностей. Так, Пушкин в своей рецензии отметил, что «неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума избражена холодно» [10].

«Юрий Милославский» был также первым историческим романом, в котором последовательно использовались полонизмы. Полонизмы в рамках генетической классификации относятся к словам, заимствованным из близкородственных западнославянских языков.

Е.В. Маринова считает, что «термин «заимствованное слово» соотносится только с теми словами, которые полностью освоены языком и утратили все признаки иноязычности» [6, с. 21]. А.В. Калинин, говоря об иноязычных и иностранных словах, имел в виду такие, которые «действительно принадлежат лексике других языков и не входят в словарный состав русского языка [4, с. 35]. Анализируя роман «Юрий Милославский», к полонизмам мы относим как заимствования, так и иноязычные слова.

В тексте встречаются как заимствования из польского, полностью освоенные русским языком (сабля), так и иноязычные слова (лайдак). Не владея польским языком в совершенстве, М.Н. Загоскин вынужден был доступными рядовому читателю средствами передавать речь польских персонажей. Так, в тексте романа 165 раз встречается слово «поляк», слово «польский» употреблено 67 раз, «лях» – 21, а «король/королевич» – 52. Самое узнаваемое польское слово – *пан* – встречается в каждом втором предложении, где присутствует речь польских персонажей.

Полонизмы в романе встречаются как в авторской речи («Скинув верхнее платье, Юрий остался в малиновом, обшитою галунами полукафтаны; к шелковому кушаку привешена была

польская сабля; а через плечо на серебряной цепочке висел длинный турецкий пистолет»), так и в речи персонажей: «– Жена, – сказал отец Еремей, войдя в избу, – накрывай стол, подай стеклянку вишневки да смотри поворачивайся!»

В целом в тексте романа заимствования из польского языка относительно немногочисленны и не отличаются разнообразием. Часть из них уже ко времени написания романа вошла в русский язык (например, *polak*, поляк – представляет собой сокращение формы от **poljanin* «житель полей», древнего великопольского племенного названия, откуда оно распространилось как общее название поляков), а часть из них, преимущественно те, которые используются в речи пана Копычинского, остаются графическими и лексическими варваризмами. При этом в тексте романа отсутствуют иноязычные вкрапления и инкрустации.

В исследуемом произведении представлены следующие тематические группы полонизмов:

а) оценочная лексика: «–Цо то есть? – закричал поляк. – Ах ты лайдак! Как же ты говорил, что у тебя нет съестного?»

б) этнонимы: «Пан Тишкевич хохотал от доброго сердца; но другие поляки, казалось, не очень забавлялись рассказом Юрия; особливо один, который, закручивая свои бесконечные усы, поглядывал исподлобья вовсе не ласково на Милославского»; «Бывало, как схватится с Кривым-Салтыковым, который всегда стоял грудью за этих ляхов, так святых вон понеси!»; «– Ой ли! Эй, слушай-ка, пан! – закричал Кирша вслед поляку, который спешит уйти в избу. – У какого москаля отбил ты свою саблю?.. Ушел!.. Как он к вам попался?»*.

в) названия чинов и званий: «Хозяин не стал удерживать региментаря (командира) и Милославского, который также с ним распрощался»; «Припомни мое слово: скоро ни одной приходской церкви не останется во владении у гетмана и он, со всей своей польской ордою, не будет сместь из Кремля носа показать» (Гетман – высший чин у казаков. Hetman было известно в польском языке с 1410 г., туда оно попало из немецкого); «– И, пан ротмистр! – сказал Тишкевич. – Не все поляки походят друг на друга». (Заимствовано через польский *gotmistrz* из немецкого *rottmeister*); «– Безумные! – вскричал боярин. – Да неужели для них честнее служить внуку сандомирского воеводы, чем державному королю польскому?..» (заимствовано из старославянского, в польском *wojewoda* встречается уже с XIII века).

г) устойчивые этикетные формулы, к которым можно отнести:

1) пожелания: «Иль не веришь? Далибук (Ей-богу), так! Спроси хоть, пана региментаря».

2) формулы прощания: «А всего лучше вспоминай почаще о жареном гусе. До зобаченья, ясновельможный пан». (Примечательно, что в польском языке нередко перед обращением «пан» добавляют определяющее прилагательное. Но в языке-доноре нет слова «ясновельможный», хотя есть слова “jasny” и «wielmożny». Автор в стремлении передать колорит эпохи использует новое слово, стилизуя его под польское.)

3) формулы обращения: «– Пан региментарь! пан региментарь!.. Э, нех его вшисци дьябли!» (В польском языке распространено обращение «пан + название профессии или занимаемой должности»). «– Поздравляем, пан Нагиба! – закричали с громким хохотом поляки. – Подцепил красотку!»

д) отдельные глаголы: «– Цо то есть? – заревел поляк. – Почекай, москаль, почекай. Гей, хлопцы! вытолкайте вон этого грубияна»; «– Добровольно! Хороша воля, когда над тобой стоят с дубиной... нехотя закричишь: давай нам королевича Владислава! Нет, господин честной, не пановать над Москвою этому иноверцу».

Помимо слов и выражений, уже широко применяемых в языке в начале XVII века, М.Н. Загоскин использует в тексте и анахронизмы: «– Ага, лайдак! попался! – закричал один из поляков, вырывая у него из рук винтовку». Слово «łajdak», известное в польском с XVIII века и попавшее туда из чешского, обозначает человека подлого, мерзавца, негодяя. В изображаемую автором эпоху оно не употреблялось. В примере «– Цо то есть? – заревел поляк. – Почекай, москаль, почекай. Гей, хлопцы! вытолкайте вон этого грубияна» встречается слово «грубиян», которое было заимствовано как польским, так и русским языком из немецкого. Но если, согласно М. Фасмеру, в русском языке оно встречается уже в 1494 г., то в польском, согласно Słownikowi etymologicznemu języka polskiego, известно только с XVIII века и также не могло встречаться в живой речи в начале XVII века.

В тексте активно используются и польские имена собственные (Сигизмунд, Владислав), польские фамилии (Жолкевский, Лисовский, Гонсевский, Копычинский, Тишкевич) и отдельные топонимы (Сандомир, Краков).

Наряду с лексическими единицами перечисленных групп в речи персонажей используются развернутые высказывания на польском языке, имеющие структуру предложения: «– Цо то есть? – заревел поляк. – Почекай, москаль, почекай»; «– Счастлив ты, что унес ноги, а не то бы я с тобою переведался. Нех их вшисци дьябли везмо!» При этом для текста романа характерны регулярные повторы одних и тех же вы-

сказываний на польском языке. Это, например, вопросительная конструкция «Цо то есть?». Ср.: «– Цо то есть? – закричал поляк. – Ах ты лайдак!; – Цо то есть? – завизжал поляк. – Гей, хлопцы!; – Цо то есть! – вскричал Копычинский, стараясь вырваться. – Отцепись, москаль!» и др.

Несложно заметить, что состав и характер высказываний на польском языке не отличается разнообразием. В основном это, как правило, или фразеологизированные структуры, которые представляют собой устойчивые ругательства: «Э, нех его вшисци дьябли! – А вот как: я велел их запереть в холодную избу, поставил караул, а сам лег соснуть; казаки мои – нех их вшисци дьябли везмо!» или мольбы: «– Взмилуйся! – завопил поляк отчаянным голосом. – Не могу, як пана бога кохам, не могу; – Иезус, Мария! – закричал поляк, стараясь спрятать под стол свою обритую голову. – Ступайте вон!.. ступайте вон!..»

Графическая адаптация заимствованной единицы в русском языке играет значительную роль в процессе её освоения. Одним из самых распространённых способов передачи польских лексем на русский язык является транслитерация – ориентация на буквенный состав заимствованного иноязычного слова: «Скинув верхнее платье, Юрий остался в малиновом, обшитом галунами полукафтанье; к шелковому кушаку привешена была польская сабля; – Жена, – сказал отец Еремей, войдя в избу, – накрывай стол, подай стклянку вишневки да смотри поворачивайся!» При ориентации на произношение заимствованного слова полонизмы в тексте романа иногда даются не совсем верно, для ввода их в русский язык автор использует транскрипцию: «– Слушай, товарищ! – сказал Юрий с приметным неудовольствием, – я до ссор не охотник, так скажу наперед: думай что хочешь о польском королевиче, а вслух не говори; Нех их вшисци дьябли везмо!; Если все русские примутся дружно, так где стоять ляхам!; – Жена, – сказал отец Еремей, войдя в избу, – накрывай стол, подай стклянку вишневки да смотри поворачивайся!»

Анализ лексики без анализа функций полонизмов в романе дал бы неполную картину. В первую очередь они помогают создать в романе исторический колорит. Так, в романе неоднократно упоминаются реальные исторические персонажи и события: «Этот, по тогдашнему времени, важный своими укреплениями город был уже во власти польского короля Сигизмунда, войска которого под командою гетмана Жолкевского, впущенные изменою в Москву, утесняли несчастных жителей сей древней сто-

лицы; ... одним словом, исключая некоторые низовые города, почти вся земля русская была во власти неприятелей, и одна Сергиевская лавра, осажденная войсками второго самозванца под начальством гетмана Сапеги и знаменитого налета пана Лисовского, упорно защищалась». Во-вторых, многие из полонизмов выполняют оценочную функцию и выражают негативное отношение автора и героев к польским персонажам. Так, главный маркер захватчиков и налетчиков – слово «поляк» – в тексте встречается исключительно в сочетании со словами, имеющими отрицательные коннотации. Среди описаний их поступков мы находим следующие недостойные или непривлекательные действия: «... они стучали в ворота, бранили хозяина, а особливо один, который испорченным русским языком, примешивая ругательства на чистом польском, грозился сломить хозяину шею; Казаки, войдя, перекрестились на иконы, а поляк, не снимая шапки, закричал сиповатым басом...; – Цо то есть! – завизжал дишкантом поляк; – Цо то есть? – заревел поляк».

В качестве определений, распространяющих названия врагов и налетчиков, М.Н. Загоскин использует прилагательные, выражающие отрицательную оценку: «А эти окаянные ляхи для забавы стреляют в святые иконы! Как бог еще терпит!; Наконец, ворота отворились, и толстый поляк, в провожании двух казаков, вошел в избу; Дворецкий и несколько слуг встретили гостей на крыльце; неуклюжий и толстый поляк, который ехал возле пана Тишкевича, не доезжая до крыльца, спрыгнул...; Трое других молодецких поляков отличались огромными усами и надменным видом, совершенно противоположным добродушию, которое изображалось на открытом и благородном лице их начальника; Пусть будет так: мы победим ненавистных ляхов».

Интересен также набор контекстуальных синонимов и сравнений, которыми герои романа характеризуют захватчиков. Эти лексические единицы в полной мере отражают глубоко негативное отношение защитников Родины к притеснителям: «– Нет, – сказал он, – мы не для того целовали крест польскому королевичу, чтоб иноплеменные, как стая коршунов, делили по себе и рвали на части святую Русь!; – Да нам и не впервой, – прибавил хозяин. – У нас ставали не раз, – вот эти, что за польским-то войском таскаются... как бишь их зовут?.. да! лагерная челядь. Почище наших разбойников, да и тут бог миловал!; – Вперед знай, что не все москали сносят спокойно обиды и что есть много русских, которые, уважая храброго иноземца, не попустят никакому забияке, хотя бы он был и поляк, ругаться над собою; Ну, Юрий Дмит-

рич, – продолжал Алексей, радуясь, что господин его начал с ним разговаривать, – лихо же ты отделал этого похвальбишку поляка!..; Я уверен, что пан Гонсевский без труда усмирит этих крамольников; теперь Сапега и Лисовский не станут им помогать...; – Ну-ка, Юрий Дмитрич, выпьем за здравие храбрых нижегородцев и на погибель супостатов наших поляков!; ... боярин Истома-Туренин известил нас, что ты приехал с предложениями от ляха Гонсевского, засевшего с войском в Москве, которую взял обманом и лестию богоотступник Лотер и злодей гетман Жолкевский; – Садись!.. Да тише ты, польская чучела! куда торопишься?.. Смотри, пожалуй! с ног было сшиб Степана Кондратьевича».

Примечателен также выбор наименований русских, принявших сторону завоевателя. Отношение к ним также носит резко негативный характер, что ярко проявилось в тексте романа. Характерно, что уподобление поляку признается героями романа высшим оскорблением: «– Ведет хлеб-соль с поляками, – подхватил стрелец. – Ну да, тот самый! Какой он русский боярин! хуже басурмана...; – Непримируемую вражду до тех пор, пока хотя один лях или предатель дышит воздухом русским!»

М.Н. Загоскин подчеркивает, что православие играло значительную роль в становлении российской государственности. В Смутное время именно ему выпала роль объединяющего начала. Поэтому православные герои романа отрицательно относятся к некрещеным в православной вере: «Да у кого бы из православных поднялась рука и язык повернулся присягнуть иноверцу, если б он не обещал сохранить землю русскую в прежней ее славе и могуществе?; – Добро, добро! называй его как хочешь, а все-таки он держится веры православной и не поляк; а этот королевич Владислав, этот еретик...; Ты после смерти боярыни нашей, а твоей матери, остался у него один, как порох в глазу; а он все-таки говаривал, что легче бы ему видеть тебя, единокровного своего сына, в ранней могиле, чем слугою короля польского или мужем неверной полячки!; – Признать своим владыкою неверного поляка! – перервал Образцов».

Наконец, заимствования выполняют в тексте характерологическую функцию: именно они создают речевую характеристику польских персонажей, через их речь автор выражает своё (и русского общества) негативное отношение к польским персонажам.

Таким образом, в романе Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (1829 г.) представлены немногочисленные заимствования из польского языка и иноязычные слова.

Количественно иноязычные слова преобладают над заимствованиями. Различны их виды и способы ввода в текст. Так, активно используются транскрипция, транслитерация, в тексте представлены топонимы и антропонимы. В романе полонизмы выполняют оценочную и характерологическую функции и служат важным компонентом структуры художественного текста.

В тексте романа М.Н. Загоскина полонизмы еще немногочисленны, в дальнейшем, особенно во второй половине 19 века, полонизмы более интенсивно используются в русской словесности, в том числе в произведениях не только исторической тематики.

Примечание

* Если «лях» трактуется в польско-русских словарях как устаревшее, «москаль» – как историзм, то в Słowniku etymologicznym języka polskiego нам не удалось найти ни одной статьи про упомянутые здесь названия народов.

Список литературы

1. Аксаков С.Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // С.Т. Аксаков. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М., 1966.

2. Аксаков С.Т. // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М., 1966.

3. Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. М.: Худож. лит., 1983. 311 с.

4. Калинин А.В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978.

5. Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991.

6. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта–Наука, 2012.

7. Письмо М.Н. Загоскина В.А. Жуковскому от 20 января 1830 г. // Русская старина. Т. 115. 1903. № 8. С. 451.

8. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М., 1962. С. 41.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т 1–4. М.: Прогресс, 1987.

10. Московский телеграф. 1829. Ч. XXX. № 2. С. 466.

11. Московский телеграф. 1829. Ч. XXX. № 24. С. 466.

12. Słownik idiomów polskich PWN. L. Drabik, E. Sobol, A. Stankiewicz. Warszawa, wydawnictwo naukowe PWN. 2006.

13. Słownik frazeologiczny PWN. Opracowanie Anna Kłosińska. Warszawa, wydawnictwo naukowe PWN. 2005.

14. Wiesław Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, wydawnictwo literackie. 2005.

BORROWINGS FROM POLISH INTO RUSSIAN IN THE HISTORICAL PROSE OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

A.A. Urazbekova

The use of Polonisms is examined on the example of M.N. Zagoskin's novel «Yuri Miloslavsky».

Keywords: Polonism, borrowing, function of Polonisms.

References

1. Aksakov S.T. Biografiya Mihaila Nikolaevicha Zagoskina // S.T. Aksakov. Sobranie sochinenij v 5 t. T. 4. M., 1966.

2. Aksakov S.T. // S.T. Aksakov. Sobranie sochinenij v 5 t. T. 4.

3. Zagoskin M.N. Yuriy Miloslavskij, ili Russkie v 1612 godu. M.: Hudozh. lit., 1983. 311 s.

4. Kalinin A.V. Leksika russkogo yazyka. M.: izdatel'stvo MGU, 1978.

5. Kasatkin L.L. i dr. Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku / Pod red. P.A. Lekanta. M., 1991.

6. Marinova E.V. Inoyazychnaya leksika sovremenogo russkogo yazyka. M.: Flinta–Nauka, 2012.

7. Pis'mo M.N. Zagoskina V.A. Zhukovskomu ot 20 yanvarya 1830 g. // Russkaya starina. T. 115. 1903. № 8. S. 451.

8. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v 10 t. T. 6. M., 1962. S. 41.

9. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T 1–4. M.: Progress, 1987.

10. Moskovskij telegraf. 1829. Ch. XXX. № 2. S. 466.

11. Moskovskij telegraf. 1829. Ch. XXX. № 24. S. 466.

12. Słownik idiomów polskich PWN. L. Drabik, E. Sobol, A. Stankiewicz. Warszawa, wydawnictwo naukowe PWN. 2006.

13. Słownik frazeologiczny PWN. Opracowanie Anna Kłosińska. Warszawa, wydawnictwo naukowe PWN. 2005.

14. Wiesław Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, wydawnictwo literackie. 2005.